

A detailed illustration of a red fox and its cub in a misty autumn forest. The adult fox stands on the right, looking down at the cub on the left. The ground is covered in fallen orange and red leaves. The background shows a dense forest of trees with some autumn foliage. The title 'АГОНИЯ ЛИСИЦЫ' is written in a large, elegant, black serif font across the upper half of the image.

*АГОНИЯ
ЛИСИЦЫ*

КРИСТИНА НАЙТ

18+

крИстИна нАйт
Агония лисицы

«Автор»

2026

найт к.

Агония лисицы / к. найт — «Автор», 2026

"Материнский инстинкт — это лишь ошибка Природы, которая сама запуталась в своих законах." В городе начинают пропадать дети. Родители в панике, полиция сбилась с ног. Ни требований выкупа, ни улик — только страх, сковавший город. Полиция ищет серийного похитителя. Матери пропавших детей теряют надежду. За всеми этими исчезновениями стоит Оливия — женщина, которую материнский инстинкт превратил в чудовище. Когда-то она была любящей матерью и счастливой женой. Но после смерти ребёнка и ухода мужа мир Оливии рухнул. Боль, не найдя выхода, переродилась в одержимость: теперь она крадёт чужих детей, чтобы заполнить зияющую пустоту в душе. Вопрос лишь в том, когда и как это закончится — и останется ли что-то человеческое в той, кто когда-то просто хотела быть матерью.

© найт к., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

кристина найт

Агония лисицы

Глава 1

Она всегда держала спину прямо, даже сейчас, сидя за старенькой швейной машинкой. Рядом в кроватке, укрытая тонким одеяльцем, мирно посапывала ее дочурка — маленькая София. Ее крошечное личико было безмятежным, губки слегка приоткрыты, а на щеках играл легкий румянец.

Оливия с упоением отдалась любимому делу. Ее пальцы, ловкие и быстрые, порхали над клавиатурой швейной машинки, словно птицы, выписывающие замысловатый узор.

Каждый щелчок иглы, каждый шов, который она прокладывала, был наполнен сосредоточенностью и любовью. Перед ней, на манекене, медленно обретало форму платье. Нежное, цвета утренней зари, с тонкой вышивкой по лифу, оно было создано для молодой женщины, которая ждала своего первого ребенка. Оливия представляла, как это платье будет струиться по ее фигуре, как оно будет дарить ей уверенность и красоту в этот особенный период жизни. Заказчица, милая девушка по имени Эмили, была очень довольна. Она часто заглядывала, чтобы посмотреть на платье, и каждый раз восхищалась мастерством Оливии. «Вы настоящая волшебница,» — говорила она, глядя на изящные строчки.

Она взглянула на Софию. Малышка перевернулась во сне, и ее крошечная ручка выскользнула из-под одеяла. Оливия тихонько подошла, осторожно укрыла, и провела пальцем по ее мягким волосикам. «Как же ты похожа на своего папу» — подумала Оливия. Она вспомнила как познакомилась с Келвином, отцом Софии...

Он был тогда студентом последнего курса юридического университета, и его появление в любом обществе неизменно привлекало всеобщее внимание. Высокий, статный, с пронзительными голубыми глазами и уверенной улыбкой, он был воплощением мечты многих девушек. Его родители, люди влиятельные и состоятельные, уже прочили ему блестящее будущее в мире юриспруденции. Казалось, что весь мир лежит у его ног, и любая девушка мечтала стать той, кто разделит с ним этот путь.

Оливия помнила, как впервые увидела его на университетской вечеринке. Она была тогда скромной студенткой гуманитарного факультета, не привыкшей к такому вниманию. Келвин же, казалось, излучал магнетизм, который притягивал к нему, как мотыльков к огню. Она не ожидала, что он обратит на нее внимание. Но он обратил. Его взгляд задержался на ней дольше, чем на других, его улыбка была адресована именно ей. Это было как сон, как сказка, в которую она боялась поверить.

Их отношения развивались стремительно. Келвин был галантен, внимателен и, казалось, искренне увлечен. Оливия чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете. Она гордилась тем, что именно она, а не кто-то из тех, кто так отчаянно стремился к его расположению, стала его избранницей.

А потом, как гром среди ясного неба, пришла новость. Оливия обнаружила, что беременна. Первые дни были наполнены растерянностью, страхом и нереальностью происходящего. Она боялась, как Келвин отреагирует. Сможет ли он принять эту новость? Не испугается ли? Когда она наконец собралась с духом и рассказала ему что беременна, он выслушал ее с той же невозмутимостью и вниманием, которые она так ценила. Он не отрицал.

Свадьба была пышной, как и подобает семье Келвина. Роскошное платье, сотни гостей, блеск бриллиантов — все это казалось Софии немного сюрреалистичным. Семья Келвина приняла ее с присущей их положению сдержанностью. Они были вежливы, но в их глазах читалось

легкое недоумение, словно они не могли до конца понять, как их сын, такой успешный и благородный, выбрал именно ее.

София не осуждала их.

Она прекрасно понимала, что Келвин был для нее тем самым принцем из сказки, которого она, простая девушка из скромной семьи, казалось, не заслуживала. Он был ее миром, ее опорой, ее любовью. И она чувствовала себя обязанной доказать, что не была ошибкой в его жизни.

Поэтому, несмотря на то, что на руках была маленькая дочурка, Оливия взялась шить на заказ. Она всегда любила шить, но теперь это стало не просто хобби, а способом самореализации. Ее пальцы ловко управлялись с иглой и ниткой. Она создавала платья, блузки, детскую одежду — все, что просили клиенты.

Она хотела, чтобы Келвин видел, что она не просто жена и мать, а человек, который может чего-то стоить. Она хотела, чтобы он гордился ею так же, как она гордилась им.

Сегодня платье было почти готово. Оставалось лишь пришить пуговицы — крошечные, перламутровые, словно капли росы, и сделать финальную отпарку. Она перебрала горстку пуговиц, приложенных к выкройке. Одна, самая последняя, куда-то запропастилась. Оливия стала искать ее, сначала неторопливо, потом с нарастающим беспокойством. Она заглянула под стол, где лежали обрезки ткани и нитки. Проверила пол, надеясь, что пуговица просто скатилась. Взгляд ее упал на детскую кроватку, где мирно спала София. Оливия подошла, чтобы убедиться, что дочурка не потревожена ее суетой, и вдруг заметила, что София лежит не естественно тихо и неподвижно.

Сердце Оливии сжалось. Обычно София ворочалась во сне, тихонько посапывала, иногда даже улыбалась во сне. Но сейчас сейчас она была словно кукла, застывшая в неестественной позе. Оливия склонилась над маленькой Софией, ее дыхание замерло.

«София? Доченька?» — прошептала она, и ее голос дрогнул.

Она протянула руку, чтобы коснуться щеки дочери, и почувствовала, что кожа ее холодна. Паника охватила Оливию ледяной волной. Она стала ее трясти, сначала осторожно, потом сильнее, в отчаянии пытаясь разбудить.

«София! Проснись, милая! Мама здесь!» — кричала она, ее голос перешел в надрывный плач.

И вдруг, в момент одного из самых сильных толчков, из приоткрытого рта ее маленькой Софии выпала та самая пуговица. Крошечная, перламутровая, она тихонько стукнулась о деревянный бортик кроватки. Оливия замерла, она смотрела на пуговицу, потом на лицо своей дочери, и ужасающая правда обрушилась на нее с невыносимой силой.

Звук поворачивающегося в замке ключа, ударил Оливию, словно выстрел. Сердце забило где-то в горле, — это вернулся домой Келвин! Ее взгляд невольно упал на огромные портновские ножницы, покоившиеся на краю стола. В тот же миг в голове созрело решение.

Келвин подошел к двери. Его пальцы нашли замочную скважину, он вставил ключ, провернул раз, затем второй. Замок щелкнул. Он толкнул дверь и вошел. То, что он увидел, перевернуло его жизнь навсегда... Оливия, его Оливия, медленно сползала по стене, оставляя за собой кровавый след. Из ее груди торчали огромные портновские ножницы. Рядом, у ее ног, безжизненно лежала маленькая София, словно забытая тряпичная кукла.

Глава 2

Осень в Огайо пришла неожиданно, но ощутимо. Воздух пропитался тяжёлой сыростью, а небо без устали изливало на землю холодный, пронизывающий дождь. Крупные капли разбивались о тротуары, образуя зеркальные лужи, в которых отражались хмурые фасады домов и редкие зонты прохожих.

Люди, выходя из тёплых объятий своих квартир, инстинктивно съёживались под резкими порывами ветра, поднимали воротники и спешили укрыться в спасительной теплоте рабочих кабинетов. Жизнь, казалось, разделилась на два полюса, два горячих островка спасения — чашка кофе дома и такая же желанная чашка у офисного аппарата.

Стив зашел в участок. Он был насквозь промокшим — вода стекала с волос, капала с кончика носа, ручейками бежала по шее под воротник. Он вытер лицо ладонью и стряхнул капли с рукавов, чертыхаясь про себя. Он терпеть не мог это время года. Для него осень была синонимом уныния, холода и бесконечной серости. Он ненавидел ощущение влажной одежды, прилипающей к коже, запах прелых листьев и постоянный шум дождя, который казался ему нескончаемым нытьем природы. Но даже здесь, за толстыми стенами, ему чудился этот звук...
...но нет, это не дождь. Это плакала женщина.

Он прошел мимо стойки дежурного, где обычно царила суета, но сейчас там было непривычно тихо.

Он завернул за угол и сразу заметил, что вокруг стола его друга Райли собралась небольшая толпа. За столом, с привычной копной рыжих волос и усталыми глазами, сидел сам Райли. Но на стуле напротив, том самом, что обычно занимали свидетели или подозреваемые, сидела молодая женщина. Ее плечи мелко дрожали, а лицо было скрыто в ладонях.

Райли, заметив Стива, поднял голову. В его взгляде мелькнуло облегчение, и он кивнул, приглашая подойти ближе.

— Что здесь произошло, Райли? — тихо спросил Стив, делая шаг вперед.

Райли глубоко вздохнул и снова посмотрел на женщину.

— Не знаю, Стив. Она только что пришла. Говорит, что потеряла ребёнка.

Женщина подняла голову. Ее глаза были красными и опухшими, взгляд — потерянным и полным отчаяния. Ей едва было двадцать пять, тонкие черты лица искажались болью. Простое платье, которое она носила, казалось неуместным в это время года.

— ... мой сын, — прошептала она, и голос её снова сорвался. — Он пропал. Его украли...

— Успокойтесь, — мягко сказал Стив, придвигая стул и садясь рядом. — Как зовут вашего сына?

— Томми, — всхлипнула женщина. — Ему девять месяцев.

Стив замер, и даже вечно невозмутимый Райли невольно выпрямился в кресле. Девяти-месячного младенца похитить куда проще, чем ребёнка постарше, — но и шансов найти его целым и невредимым куда меньше.

— Расскажите всё по порядку, миссис... — Стив сделал паузу, ожидая, что женщина назовёт фамилию.

— Эванс, — тихо произнесла она. — Мэри Эванс. Я... я зашла в магазин всего на несколько минут. Оставила его в коляске. Когда вернулась коляски уже не было.

Райли переглянулся со Стивом.

— Вы заметили что-нибудь необычное? — спросил Стив мягко, но настойчиво. — Незнакомые машины, подозрительных людей поблизости?

Мэри покачала головой, кусая губы.

— Я оставила коляску у входа в магазин «У миссис Пинк», прямо под навесом. Зашла всего на пять минут — нужно было купить молока. Когда вышла коляски уже не было. Я сна-

чала подумала, что кто-то случайно её задел и откатил в сторону, но обошла весь квартал — нигде нет. И никто ничего не видел.

Стив достал блокнот и начал что-то быстро записывать.

— Опишите коляску, — попросил он. — Цвет, какие-то особые приметы?

— Голубая, с белым капюшоном, — голос Мэри снова задрожал. — Фирма «Сильвестар». На ручке была привязана жёлтая ленточка — я повязала, чтобы не перепутать с другими. И ещё на боковой сумке осталась царапина, я её заметила вчера.

Стив кивнул, делая мысленную пометку: такую коляску будет легче найти.

— А во что был одет малыш? — продолжил расспрашивать Стив. — Опишите подробно: какие-то особые детали?

— На нём была вязаная кофточка, голубая, с белыми звёздочками, — Мэри судорожно вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. — Я сама её связала. Под ней — белая распашонка и ползунки в полоску, сине-белые. На ножках — шерстяные носочки, тоже голубые — её голос дрогнул. — И ещё серебряный браслетик на ручке. Мой дед подарил его Томми при рождении. Тонкая цепочка с крошечной подвеской в виде погремушки.

Стив аккуратно записал каждое слово.

— Хорошо, миссис Эванс. Это очень поможет. Ктонибудь из соседей мог бы подтвердить, что вы действительно пошли в магазин?

— Да, конечно, — оживилась Мэри. — Миссис Грей, она выгуливала свою таксу как раз когда я выходила. Мы перекинулись парой слов — она жаловалась, что пёс опять вырыл яму в клумбе. И мистер Джонс из дома напротив — он выносил мусор и кивнул мне.

Райли оторвался от карты города, разложенной на столе:

— Магазин «У миссис Пинк» — это на углу Вишневой и Мэйн-стрит?

— Да, — подтвердила Мэри. — Я хожу туда каждое утро. Миссис Пинк уже знает, какое молоко мне нужно.

Стив задумчиво постучал ручкой по блокноту.

— Райли, свяжись с миссис Пинк и узнай, не заметил ли кто-то подозрительного возле магазина. Опроси миссис Грей и мистера Джонса: может, они видели, кто подошёл к коляске, пока вас не было.

Райли кивнул, его пальцы уже почти коснулись телефона, когда со стороны стойки дежурного внезапно раздался громкий окрик младшего офицера, заставивший его замереть.

— Сэр! Только что поступил звонок — во дворе найдена пустая коляска!

Детективы и все собравшиеся вокруг — замерли. Мэри резко побледнела и схватилась за край стола, чтобы не упасть. Стив мгновенно оказался рядом, поддержал её за локоть.

— Вы уверены? — громко спросил он у дежурного.

— Так точно, сэр! — отозвался офицер, прижимая трубку к уху. — Звонил местный сторож. Говорит, коляска стоит прямо у детской площадки. Ни ребёнка, ни кого-либо поблизости.

Стив быстро обернулся к Мэри:

— Это в трёх кварталах отсюда, вы знаете место?

— Дда, — прошептала она, с трудом справляясь с дрожью в голосе. — Мы иногда гуляли там.

— Райли, бери двух патрульных и выезжаем. — распорядился Стив.

Мэри, собрав волю в кулак, выпрямилась:

— Я поеду с вами, — твёрдо сказала она Стиву. — Я должна увидеть коляску.

Через пять минут две машины выехали из участка. Дождь почти прекратился, последние капли дождя упали, и улицы преобразились, заблестев влажным зеркалом.

Глава 3

Под аркой, ведущей во двор, стояли Стив, Мэри Эванс и Райли. Их встретил местный сторож — невысокий мужчина в потрёпанном дождевике. Рядом с ним переминались с ноги на ногу двое мальчишек — оба с раскрасневшимися от волнения лицами и блестящими от возбуждения глазами.

— Сэр, — сторож шагнул вперёд, приподнимая шляпу, — эти юные джентльмены утверждают, что видели, как какой-то мужчина выхватил из коляски свёрток и забежал в подъезд.

— Да, да! — выпалил старший из мальчишек. — Мы шли мимо. Смотрим — коляска стоит, а рядом мужик в тёмной куртке. Он как-то подозрительно огляделся, потом резко наклонился, схватил что-то из коляски — такой большой свёрток, в голубое одеяло завернутый, — и рванул в подъезд! — мальчишка махнул рукой в направлении дома.

Райли выглянул из арки, оглядел двор, там, одиноко, стояла голубая коляска с белым капюшоном, потом обернулся и спросил:

— А в какой именно подъезд? Вы запомнили?

— Да, запомнили! — оживился второй мальчишка. — Вон тот, крайний слева.

— А сколько времени прошло с тех пор? — уточнил Стив, доставая наручные часы.

— Минут десять, может, пятнадцать, — старший мальчишка почесал затылок. — Мы сначала растерялись, потом решили, что надо кому-то рассказать. Побежали к мистеру Хэмпсу — он как раз мусор выносил. Он и позвонил в полицию.

Миссис Эванс судорожно вздохнула, прижимая ладони к груди:

— Значит, он всё ещё может быть там... Томми...

Стив положил руку ей на плечо:

— Мы его найдём. Райли, скажи чтобы оцепили здание. Патрульные пусть блокируют выходы — задний двор, пожарные лестницы, все возможные пути отхода. Мальчишки, вы большие молодцы — останетесь с миссис Эванс и сторожем, пока всё не закончится, хорошо?

Мальчишки гордо закивали.

Райли уже раздавал распоряжения подоспевшим патрульным:

— Первый наряд — оцепляем периметр. Второй — блокируем задний выход. Третий — со мной и Стивом, поднимаемся с первого этажа, проверяем каждую квартиру.

Стив достал пистолет, проверил обойму.

— Действуем тихо, но быстро. Миссис Эванс, пожалуйста, оставайтесь здесь под призором патрульного Джонсона. Как только найдём Томми, я лично вас позову.

Мэри хотела возразить, но встретила твёрдый взгляд Стива и кивнула.

— Обещайте, что найдёте его...

— Обещаю, — коротко ответил Стив и двинулся к подъезду.

Они вошли внутрь, — за спиной остался шум города. Стив шёл первым. Он приложил ухо к холодной, шершавой поверхности двери первой квартиры. Ничего. Только глухое биение собственного сердца, отдающееся в висках. Райли прислушивался к двери напротив. "Ничего," — прошептал он. Стив прислушался к двери под номером три. Сквозь толстый слой штукатурки доносился едва различимый гул, похожий на отдаленный рокот стиральной машины. Но это было не то. Не было того тонкого, пронзительного звука, который они так отчаянно пытались уловить. Они двинулись дальше.

На втором этаже стоя у одной из дверей Райли нервно сжал кулаки. "Там там что-то есть," — прошептал он. Стив подошел ближе, его собственное дыхание участилось. Он тоже прислушался. Действительно, сквозь монотонный гул доносился какой-то другой звук. Негромкий, прерывистый. Похожий на на плач?

Но это был не тот плач, который они ожидали. Не громкий, требовательный крик младенца, нуждающегося в заботе. Это был тихий, почти беззвучный всхлип, который мог быть вызван чем угодно. Скрипом половицы, сквозняком, или да чем угодно.

"Это не он," – сказал Стив, пытаясь придать своему голосу уверенность, которой не чувствовал. "Это просто что-то другое."

Они двигались дальше. Из-за одной двери доносилось бормотание, похожее на ругань. Из другой – скрип половиц, словно кто-то нервно ходил взад-вперед. Из третьей – доносился приглушенный звук телевизора, какой-то глупый сериал, смех. Слишком громко, слишком жизнерадостно. Не здесь.

Райли остановился у двери под номером одиннадцать. "Стив ты слышишь?"

Стив прислушался. Из-за двери доносился звук, который заставил его кровь застыть в жилах. Это был не плач. Это был тихий, мелодичный напев. Колыбельная.

Стив замер, поднял руку, сигнализируя всем остановиться.

— Похоже, это здесь... — шепнул Райли.

Стив кивнул, и осторожно постучал в дверь:

— Полиция! Откройте!

Ответа не последовало. Ни шагов, ни голосов, ни даже шороха. Но звуки, которые до этого доносились из-за двери – резко стихли. Словно кто-то, услышав их, мгновенно замер, затаив дыхание, как и они сами.

Стив переглянулся с Райли. В глазах последнего читалось то же напряжение, та же готовность к худшему. Они знали, что тишина после их требования открыть дверь – это не признак отсутствия кого-либо внутри. Наоборот, это было самым тревожным сигналом. Это означало, что их услышали, и тот, кто там, теперь готовится. Готовится к чему? К сопротивлению? К побегу?

Стив медленно, почти незаметно, сделал шаг назад, давая понять остальным членам команды, что нужно быть начеку. Он чувствовал, как напряжение нарастает, как каждый мускул в его теле готов к действию. Дверь, казавшаяся раньше просто преградой, теперь превратилась в пороховую бочку, готовой взорваться в любой момент. И они стояли прямо перед ней, ожидая, когда же раздастся взрыв.

Но не случилось никакого взрыва. Вместо оглушительного грохота, вместо разлетающихся обломков, дверь просто отворилась. На пороге стояла молодая женщина. Ее волосы были растрепаны, на ней был домашний халат, который выглядел немного помятым, а на руках она держала крошечного младенца. Ее глаза, сначала испуганные, быстро сменились раздражением, когда она увидела двух полицейских, стоящих перед ее дверью.

— Можно не шуметь — произнесла она, ее голос был усталым. — Я его только уложила спать.

Стив и Райли переглянулись.

— Простите, мадам, — начал Стив, стараясь смягчить свой тон. — Мы получили сообщение о...

— О чем? — перебила она, слегка прижимая младенца к себе.

Райли тихо кашлянул, пытаясь разрядить обстановку.

— Мы получили информацию о том, что какой-то мужчина выхватил из коляски ребенка и забежал в этот подъезд...

Женщина недоуменно моргнула. Ее взгляд скользнул по лицам полицейских, затем опустился на крошечное личико спящего младенца в ее руках. Она прижала его еще крепче.

— Мужчина? Ребенка из коляски? — ее голос дрогнул, и тут началось что-то невообразимое...

Из-за спины Стива и Райли вдруг выпрыгнула Мэри Эванс. Она кинулась к младенцу и попыталась выхватить его из рук молодой женщины. Та инстинктивно крепко вцепилась в ребенка. Они начали перетягивать его друг у друга.

— Женщины, успокойтесь! — попытался вмешаться Стив, но его слова потонули в нарастающем шуме.

Миссис Эванс, с лицом, искаженным яростью и отчаянием, тянула ребенка на себя. Полицейские попытались разнять их, но женщины, охваченные неведомой силой, отталкивали их, не выпуская из рук драгоценную ношу. Младенец, оказавшись в эпицентре этой борьбы, разразился отчаянным плачем. Его крик пронзал воздух, добавляя трагизма и без того накаленной сцене. Две матери, обе обезумевшие, боролись за свое дитя.

— Это мой ребенок! — кричала Мэри, ее голос срывался. — Вы украли его!

— Нет! Это мой сын! — отвечала другая женщина.

Внезапно, словно по команде, обе женщины замерли. Взгляды, полные дикой страсти и отчаяния, устремились к дверному проему.

Из комнаты к ним вышел мужчина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.